

Только сейчас начинаю думать: «Кать, а что это было?»

Группа «Обе Две» — классика русского инди-рока. С первого и до последнего альбома их песни сокрушали своей искренностью и дерзостью. Такой магии бы точно не произошло без солистки и автора Кати Павловой. Мы встретились с ней во время концертного тура, когда группа презентовала свой последний альбом — «Циники».

Перед встречей с Катей я думала: «Надеюсь, мы так сойдемся, что найдем и над чем посмеяться, и из-за чего поплакать». И нашли.

Встретились мы уставшие, запутавшиеся в переменах и событиях, но обе очень искренние. Обе две.

Про музыку

– Как тебе в целом концерт?

– Ощущение, что прошла целая жизнь с тех пор. Помню, что в те полтора часа я была ужасно счастливой. Как чувствовала жизнь, так и жила ее на сцене. Где умирала, я умирала, все было по-настоящему. Когда выхожу на сцену, для меня «завтра» не существует, денег не существует, времени не существует. Мои любимые концерты – когда не нужно настраивать себя, думать, о чем я буду сегодня петь.

– Насчет настроиться. У тебя часто такое бывает?

– Нечасто, но амплитуда эмоций бывает поспокойнее. Редко бывают концерты, когда сидишь в гримерке и думаешь: «Отработаю мероприятие и уйду из бизнеса». Моя задача – найти в себе, про что это делать сейчас, чтобы получилось искренне, а не с лицом навроде «Господи, куда я вписалась?». Я могу быть недовольной до и после. Но в процессе, когда я делаю свою главную работу, мне это кажется профессиональной необходимостью.

– Как у тебя происходит этот поиск?

– Внутри. Думаешь: «Про что я сегодня живу? А как это связано с этими людьми?» Есть песни, которые со мной тысячу лет. Понятно, что я их пою не про то же, про что десять лет назад. Я могу посмотреть на них под другим ракурсом, вписать в эти слова новый опыт.

– **Есть у тебя какие-то талисманы или ритуалы перед выходом на сцену?**

– Нужно почистить зубы и выспаться. Когда не выспишься, тело с голосом не связаны. Важно, чтобы были правильные концертные трусы.

– **Правильные – это какие?**

– Бесшовные, высокие, желательно корректирующие.

– **А зубы зачем чистить?**

– Чтобы обновиться.

– **Как тебе впечатления от тура в целом?**

– Я бесконечно счастлива стоять на сцене. Счастлива не в смысле веселая или что-то там. Я кайфую, что у нас происходит в музыке, что происходит с музыкантами, с публикой, мне все нравится. Но по бизнесу мне не нравится. Это не творческий кризис, это бизнес-кризис. Не хочу так больше. Мне осталось сыграть два концерта. Я страстно хочу сыграть Питер и Москву. Но в это же время понимаю – все.

– **Не страшно?**

– Страшно, но из-за другого. Прощаться с названием «Обе Две» мне не страшно и не волнительно. Я понимаю, что мы друг для друга уже все сделали. Но эта внутренняя фигня, которая пишет песни... вряд ли она оставит меня в покое. *(смеется)*

– **Песня для тебя – история про исцеление?**

– Я не могу перестать выпускать песни. Я понимаю, что иначе будет смерть. Написать и оставить себе я тоже не могу, потому что это будет смерть.

– **Нет ощущения, что песни – твой способ рефлексии? Если бы ты не начала писать, то эта энергия обратилась бы куда-то в негатив?**

– Есть разные способы саморазрушения. По мне, мой довольно экологичный.

– **Для тебя музыка – саморазрушение?**

– Там селфхарма немало, да. Но в этом есть отдача. Пусть уже так. Я к этому отношусь без лишнего романтизма.

– **Если у тебя такое отторжение к бизнесу, планируешь сделать новый проект более камерным?**

– У меня нет отторжения, мне, наоборот, все эти штуки интересны. У меня не получается! Я не знаю, что делать. Но пока что я планирую полежать лицом в пол.

– **А как вообще почувствовать, что тебе пора от чего-то избавиться, обновиться, обнулиться?**

– В «Обе Две» я в какой-то момент словила диссоциацию. Она сначала была намеком, я решила, что мне показалось. Потом смотрю на старые фотографии, видео и вот эти буквы, «Обе Две». И думаю, точно это детское платье нужно продолжать носить? Вроде нет. Мы как-то связаны? У нас есть общее прошлое. Стоит ли его тащить? Должен быть какой-то профит от того, что я ни с кем не подписала контракт. Я могу делать, что хочу.

Про вечность

– **Тема номера – синдром бессмертия. Это в целом про то, что у человека есть потребность оставить что-то после себя. Тебе важно оставить след?**

– Учитывая, что у меня на последнем альбоме есть песня с ведущей строкой «Нет никакой вечности», думаю, ответила на этот вопрос. Мне кажется, это про эго какая-то история. Не хотелось бы оставить после себя большой мусорный след. И то, не хватает пока ресурса, образования, городской организации.

– **На Muzpodkast с Тосей Чайкиной ты сказала, что в целом неважно, как музыка влияет на аудиторию. Ты задумываешься, как твои песни могут быть восприняты?**

– Когда пишу, я не думаю о реакции публики. Мне важнее точность. Не хочу облажаться в плане искренности. Но благодаря инстаграму* и телеграм-каналу я стала получать обратную связь после выхода альбома. Раньше игнорировала подобное, теперь стала много общаться с людьми.

Они мне рассказывают истории, как мои песни помогают им умирать или проживать что-то.

– **Песни «Обе Две» – в топе групп, которые я слушаю и ловлю хорни вайбы.**

– Это прикольная обратная связь! Мне бы хотелось давать людям такую поддержку.

– **Каждый альбом – пережитый старый опыт. Чему ты научилась, когда писала «Циников»?**

– Все участники живы, это нельзя пока рассказывать... (смеется). Я просто все еще там. Это самый быстрый мой альбом. Между жизнью и смертью слишком мало времени прошло, еще и тур. Должно пройти какое-то количество лет.

– **Как думаешь, что после себя оставят «Обе Две»?**

– Я не думаю об этом. Дай Бог никогда не думать о таких вещах.

Про себя

– **Видела историю, где ты рассказала о том, как думала, что недостаточно стройная. Хотя это уже было время дерзких и сексуальных песен группы. Как это сочеталось?**

– Я чувствовала себя никакой. Чуть-чуть «недо-». Я не чувствовала, что я красивая. Я чувствовала, что у меня «интересная внешность». Обаятельная. Непосредственная. Это взялось, по классике, из детства. Я достала старые фотографии и такая: никуда себе. Это не было посредственно. Это красиво.

– **А сейчас какое ощущение?**

– Сейчас ощущение, что мне 140 лет (смеется). Я кайфую от фотосессий. Когда я на сцене, у меня тумблер переключается. Я же тогда не собирала еще 500 концертов, я тогда еще не слышала столько раз, как я хороша и прекрасна. Я же этого не знала. А когда ты растешь в среде, где ты «непосредственная»... сложно поверить, что ты какая-то другая. Думаю, что романтические и половые связи тоже подняли мне самооценку. Мне нужно было накопить количество, чтобы уверовать. Только сейчас начинаю думать: «Кать, а что это было?»

– **Выход на сцену в то время – что-то про уверенность в себе?**

– Я не понимаю, как выходила туда, если честно. Из-за того, что «Обе Две» заканчиваются, подталкивает туда посмотреть. Я не понимаю вообще, как я это делала. Это было сильное влечение.

– **На том же музыкальном подкасте обсуждался вопрос сексуализации. Был тезис про то, что сексуализация – часть женского образа, иначе девушке не стать популярной. Что думаешь?**

– Меня лично эта тема не коснулась. Мне нравится голенькой ползать на съемках, я от этого кайфую. Чтобы чувствовать себя хорошо и в своих правах, я должна понимать, что очень желанна. Причем чувствую это от себя же. Самосексуализация. Мне в этом комфортно.

– **Есть какой-то совет для тех, кто не может принять себя?**

– Я не думаю, что в этом преуспела. Но совет такой: найдите своего терапевта. Не любого, своего. Потому что так вы будете меньше мучать людей, с которыми живете. Есть шанс, что вы уберете лишнее и найдете настоящее, поймете, что с этим делать.

– **Сколько ты в терапии?**

– Два года с небольшим. Когда я заходила в терапию, на первой сессии думала, может, это будет вопрос нескольких консультаций. Потом сказали, что года два понадобится. Прошло два года – оказалось, только начали. К этому времени еще начинаешь раскачиваться.

– **У тебя сейчас нелегкий период. Что помогает справляться?**

– Я не справляюсь. (смеется)

– **Но ты не лежишь лицом в пол.**

– А у меня еще два концерта и девочка, я не могу.

– **А почему ты свою дочь называешь девочкой?**

– Не знаю, так чувствую. По-разному бывает. Иногда нужно называть вещи своими именами.

– **Ты верующий человек?**

– Я собирательный атеист. Вера во что-то огромное существует, мне комфортно не обозначать это формами или религиями. Я больше верю в физику, до которой мы еще не дошли.

– **Как думаешь, с чего можно начать 2024?**

– Я в таком кризисе, что не могу думать ни про завтра, ни про новый год. А какие-то общие слова сказать... Просто от женщины, которая абсолютно точно уверена, что вернется из тура и ляжет лицом в пол... Полежите тоже! Надо себе позволить.